

0- 794509

На правах рукописи

ФИЛАТОВА Оксана Леонидовна

**ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОЗДЕЙСТВУЮЩЕЙ ФУНКЦИИ
ГЕНДЕРНОГО ДИСКУРСА**

10.02.01 – русский язык

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Орел- 2012

Работа выполнена на кафедре лингвистики и иностранных языков ФГБОУ ВПО
«Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского»

Научный руководитель

доктор филологических наук, профессор
Васильев Лев Геннадьевич

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор
Семененко Леонид Павлович

доктор филологических наук, профессор
Макаров Владимир Иванович

Ведущая организация

ФГБОУ ВПО «Владимирский
государственный университет
имени Александра Григорьевича и
Николая Григорьевича Столетовых»

Защита состоится «16» марта 2012 г. в « » час. мин. на заседании диссертационного совета Д 212.183.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук при ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» по адресу: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Орловского государственного университета.

Автореферат разослан «__»_____2012 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000793093

Ученый секретарь
диссертационного совета

Гришанова В.Н.

Настоящая диссертация посвящена исследованию речевого воздействия в гендерном дискурсе.

Интерес к изучению гендерного дискурса отражен во множестве отечественных и зарубежных публикаций [Аллатов 1980, Беляева 2002, Бендас 2009, Берн 2001, Блохина 2009, Бурукина 2000, Воронина 2000, 2001, Воскресенская 2007, Горшко 1999, Гриценко 2005, Жигайкова 2005, Земская 1993, Каменева 2005, Каратышова 2007, Кириллина 1993, 1999, 2000, 2002, Кокоева 2007, Колоколова 2008, Крючкова 1975, Леонтьева 1989, Ощепкова 2003, Розанова 1993, Нерознак 1999, Паланчук 2008, Пермякова 2007, Прокудина 2005, Пушкирева 1999, Синельников 1990, Стернин 2000, Табурова 2000, Уфимцева 1996, Фатеева 2000, Халеева 1999, Хачмафова 2011, Beauvoir 1974, Cameron 1992, Elbe 1972, Fishman 1978, Holmes 1991, Irigaray 1985, James 1993, Koththoff 2000, Lakoff 1975, Macaulay 1978, Oppermann 1998, Orasanu 1979, Phillips 1973, Piatt 1975, Romaine 1999, Smith 1985, Tannen 1986, Trudgill 1975, Waring 1996].

Проблема речевого воздействия также широко представлена в гуманитарных исследованиях [Абельсон 1987, Александров 1999, Апресян 1997, Баранов 1990, Баранов, Крейдлин 1992, Баранов, Паршин 1986, Барт 1989, Безменова 1989, Блакар 1987, Болинджер 1987, Бредемайер 2008, Брутян 1984, Вайнрих 1987, Васильев 2003, Водак 1997, Войтасик 1981, Воронцова 2009, Голованова 1978, Далецкий 2004, Демьянков 1984, 1992, Ивин 1996, Иссерс 2008, Киселева 1978, Ключев 2001, Перельман 1987, Рувин 1997, Семенов 1994, Серю 1999, Стернин 2001, Стриженко 1980, Тарасов 1990, Шейгал 2000, Шелестюк 2009, Abelson 1973, Bergsdorf 1978, Bolinger 1980, Bosmajian 1974, Brown, Yule 1983, Dascal 1981, Eemeren, Grootendorst 1996, Feudel 1983, Kress, Hodge 1979: Language and control 1979, Rothwell 1982, Sandell 1977, Shenker 1979, Weinrich 1970].

Тем не менее, лингвистические проблемы речевого воздействия в гендерном дискурсе в отечественном языкознании специально не рассматривались.

Поэтому *актуальность* настоящего исследования заключается в возможности конкретизировать изучение структуры и семантики гендерного дискурса, его речевоздействующей функции, что входит в большую лингвистическую проблематику прагматики и стилистики речи, а также затрагивает следующие аспекты:

- дальнейшую разработку проблем гендерной лингвистики как актуально-го направления в современном языкознании;
- изучение влияния фактора гендера на речь говорящего в совокупности с другими определяющими факторами;
- изучение корреляции между социальным полом, социальным статусом и выбором варианта речевого поведения;
- привлечение данных исследований по указанной проблеме в смежных науках (психологии, социологии);
- анализ гендерно-обусловленных речевых стереотипов с целью исследования их прагматического потенциала и специфики иллокутивных функций;
- изучение появления нового гендерного типа и описание лингвопрагматических характеристик его дискурса как поля репрезентации женской языковой личности с точки зрения когнитивно-функционального аспекта.

Объектом данного исследования являются способы воздействия в русскоязычном женском дискурсе на адресата, который является представителем как мужского,

так и женского дискурса, а также специфика воздействия такого дискурса на смешанную аудиторию.

Предметом исследования являются стратегии и тактики, а также единицы языка (слова, словосочетания, предикативные единицы, сложные синтаксические единства) и паралингвистические явления, являющиеся средствами воздействия речи говорящего на адресата.

Материалом для анализа послужили данные эксперимента с участием 415 русскоязычных респондентов на первом этапе и 266 респондентов на втором этапе (проанализированы 681 ответ и 266 письменных монологических высказываний), а также материалы, отобранные методом сплошной выборки из современной русской литературы (проза и публицистика), телевизионных и опубликованных в журналах, газетах и на интернет-сайтах интервью. Общий корпус примеров составил более 1500 текстовых фрагментов. Кроме этого на разных этапах исследования к анализу привлекались данные из лексикографических источников, научной и популярной литературы. Были также проанализированы 255 гендерных метафор, выявленных методом сплошной выборки из русскоязычных статей, интервью и выступления, общий объем которых составил более 1000 страниц.

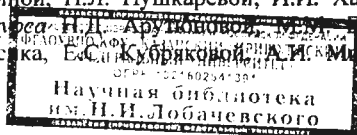
Целью исследования является выявление, описание и анализ зависимости дискурсных единиц речевого воздействия от гендерно-обусловленных стереотипов.

Реализация этой цели предопределила постановку следующих *задач* исследования:

- 1) исследовать историю развития гендерного учения в лингвистике;
- 2) проследить различия в речевом коммуникативном поведении в зависимости от социального статуса языковой личности;
- 3) раскрыть сущность понятия «женской языковой личности»;
- 4) рассмотреть актуализацию гендерных стереотипов в языкознании; выявить основные женские стереотипы в различные периоды истории;
- 5) исследовать лингвистические особенности репрезентации гендерного стереотипа женщины-лидера;
- 6) провести анализ особенностей экспликации речевого воздействия женской языковой личности в текстовой деятельности монологического и диалогического типов.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что речевое воздействие в женском дискурсе отличается от мужского и осуществляется по разным моделям, репрезентируя совокупную языковую личность женщин; соответственно, набор речевых стратегий и тактик и способы их реализации при достижении идентичных целей тоже различны. Речевые стратегии женского дискурса определяются рядом социолингвистических факторов, среди которых гендерный играет одну из важнейших ролей, поэтому языковая личность женщины-лидера, наряду с гендерно-нейтральными сохраняет так называемые «женские» способы речевого воздействия.

Теоретико-методологическую основу данной работы составили концепции отечественных и зарубежных авторов, посвященные различным аспектам исследования коммуникативной деятельности и речевого воздействия. Это работы в области *риторики* Д.Н. Александрова, Н.А. Безменовой, А.А. Волкова, А.Н. Чувакина; *гендерных исследований* Т.В. Бендас, Ш. Берна, О.А. Ворониной, Е.И. Горошко, Е.С. Гриценко, Е.А. Земской, А.В. Кириловой, Н.Л. Пушкаревой, И.И. Халеевой, З.Р. Хачмафовой; в области *теории дискурса* Н.Д. Арутюновой, М.А. Бахтина, В.З. Демьянкова, О.С. Иссерс, В.И. Караска, Е.С. Кубарикой, А.И. Милунова.

М.Ю. Олешкова, Т.А. ван Дейка, Дж. Серля; работы и идеи по общетеоретическим и частным проблемам *аргументативного дискурса* А.Н. Баранова, Г.А. Брутяна, Л.Г. Васильева, А.А. Ивина, Х. Перельмана, Г.Н. Рузавина, С. Тулмина; по *проблемам исследования языковой личности* работы Г.И. Богина, В.В. Виноградова, Ю.Н. Караулова, И.П. Сусова, С.А. Сухих, А.П. Чудинова.

Методы, применяемые в работе, включают методы дискурсивного анализа, контекстуального анализа, социолингвистического анализа, методы наблюдения и сравнения, систематизации и классификации материала, его структурно-семантическое описание, метод лингво-прагматического анализа, гендерного анализа метафор, речевых стратегий и тактик убеждения в процессе речевого воздействия, а также исследование данных гендерной психологии.

В качестве инструмента исследования маскулинности-феминности была использована методика С. Бэм по измерению андрогинии для определения личностных характеристик людей в современном обществе. В качестве метода исследования проявления лидерских качеств использовался «Тест лидерских качеств» Д.В. Олышанского. Для лингво-прагматического анализа дискурса была использована типовая модель предложенная Т.А. ван Дейком. Для анализа метафор была использована методика А.П. Чудинова.

Научную новизну настоящего диссертационного исследования определяет то, что впервые выявлено и описано появление нового гендерно-обусловленного андрогинного речевого стереотипа, комплексно рассмотрены особенности речевоздействующей функции в гендерном дискурсе в зависимости от социального статуса женской языковой личности.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что её результаты служат развитию лингвистической гендерологии, а выдвинутые положения относительно коммуникативных характеристик речевого воздействия гендерного дискурса дают возможность эксплицировать и уточнить некоторые вопросы теории речевого воздействия, теории дискурса и лингвистической прагматики. Предложенный в работе подход способствует описанию наиболее частотных языковых средств, используемых в рамках речевого воздействия, а также выявлению коммуникативных дефектов в структуре гендерного дискурса. Также представляется перспективным в плане системного описания речевого поведения изучение корреляции между социальным полом, статусом и выбором речевого поведения.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что её основные положения могут быть использованы в вузовских курсах по общему языкознанию, стилистике, гендерологии, риторике, при обучении студентов построению эффективной убеждающей речи, а также при разработке теоретических курсов по психо- и социолингвистике.

Апробация работы. Результаты исследования были изложены в докладах на пяти международных, девяти российских и одной внутривузовской конференциях (Москва 2011 г., Калуга 2011 г., 2010 г., 2009 г., 2008 г., Обнинск 2010 г., 2009 г., 2008 г., Невинномысск 2009 г.). Диссертация обсуждалась в докладах на аспирантских семинарах при кафедре лингвистики и иностранных языков КГУ им. К. Э. Циолковского в 2007 – 2011 гг.

По теме диссертации имеется 21 публикация общим объемом 6,65 п.л., 2 из которых опубликованы в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ.

Положения, выносимые на защиту:

1. Женский дискурс – это сложный социокультурный феномен, в котором фактор гендера задает и регламентирует механизмы дискурсивных построений женской языковой личности.

2. Женская языковая личность – это языковая личность, специфика речевого поведения которой является проявлением дифференциальных признаков когнитивной сферы лиц женского пола в определенном лингвокультурном сообществе.

3. Изменения в социальной структуре общества, стирание жестких границ между концептами «мужественности» и «женственности», привели к изменению в системе речевых стереотипов и появлению нового гендерного типа женщины-лидера, характеризующегося смешанным, или андрогинным типом языковой личности. Дискурсивные характеристики нового речевого стереотипа аккумулировали в себе характеристики маскулинного и феминного типов языковой личности.

4. Речевое коммуникативное поведение женской языковой личности проявляется в языке: на морфологическом, синтаксическом и лексическом уровнях: в сфере когнитивных феноменов, представленных концептами и стереотипами, складывающимися в гендерную картину мира; на прагматическом уровне, включающем цели, мотивы, установки и интенции.

5. Стратегии и тактики речевого воздействия женского дискурса обусловлены влиянием ряда факторов: типом языковой личности протагониста; речевым стереотипом, соответствующим данному гендеру; социальным, коммуникативным и ситуационным контекстом общения; социальным полом объекта воздействия и другими.

Объем и структура работы. Общий объем диссертации составляет 217 страниц, из них 29 страниц библиографии. Структура работы подчинена сформулированным в ней задачам. Работа включает введение, две главы, выводы по главам, заключение, библиографический список, список словарей, список источников анализируемого материала, три приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* обосновывается актуальность выбранной темы, научная новизна, определяются объект и предмет исследования, формулируются его цели и задачи, указываются методологические основы и методы анализа материала, излагаются основные идеи и выводы в виде положений, выносимых на защиту, раскрывается теоретическая значимость и практическая ценность работы, приводятся сведения об апробации положений диссертации, обосновывается её структура.

Глава первая «Основные направления исследования гендерного дискурса в лингвистике» представляет собой описание теоретических проблем гендерной лингвистики, даётся определение гендерного дискурса, принимаемое в данной работе, рассматриваются вопросы речевых стереотипов, обосновывается выбор определения языковой личности и коррелирующего с ним определения женской языковой личности. Даётся анализ работ в отечественном языкознании, посвящённых исследованию речевых стратегий и тактик, и определяется методика описания, используемая в данной работе, рассматривается структура речевого воздействия, зависимость гендерного дискурса от статусно-ролевых характеристик языковой личности и дается анализ изменения полоролевых стереотипов языковой личности женщин.

На основании анализа подходов Н.Д. Арутюновой, Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова, Л.С. Выготского, М.М. Бахтина и др. к определению концепта «дискурс» *гендер-*

ный дискурс рассматривается как реализация конструирования социального пола и социальных отношений в языке. Вследствие этого, *женский дискурс* определяется как языковое проявление гендерно-мотивированного женского сознания, пропущенного через призму личного опыта.

Под *гендерно-обусловленным речевым стереотипом* в данной диссертации понимается вербализованный концепт, отражающий объём коммуникативных знаний, то есть реально существующую и ассоциируемую информацию о женщине, её полоролевых функциях, реально исполняемых и ожидаемых, который существует в том или ином обществе и который обусловлен, создан и корректируется культурой и социумом.

Гендерные речевые стереотипы зафиксированы в языке в *гендерной метафоре*, которая представляет собой результат когнитивного процесса, который сопоставляет два объекта, одним из которых является культурный концепт «мужественность» или «женственность», а вторым – объект, применительно к которому данный концепт используется в качестве метафоризатора. Анализ гендерной метафоры как важного средства воздействия на интеллект, чувства и волю адресата – это способ более подробного изучения особенностей речевого воздействия женского дискурса.

Важнейшим компонентом дискурса является его субъект – человек как носитель языкового сознания, частично репрезентируемого в дискурсе, поэтому тема дискурса неразделима с темой *языковой личности*. Под *языковой личностью* понимается субъект, являющийся носителем языкового сознания, которое вербализуется в процессе речевой деятельности через систему поступков этого субъекта – речевое поведение, обусловленное комплексом факторов социального и личного планов.

Женская языковая личность определяется как языковая личность, гендерная специфика речевого поведения которой является проявлением дифференциальных признаков когнитивной сферы лиц женского пола в определенном лингвокультурном сообществе.

Анализ методик исследования речевых стратегий Л.Г. Васильева, О.С. Иссерс, Е.В. Ключева, И.П. Сусова и др. позволил разделить стратегии на несколько типов. Особенно исследованными представляются феномены *коммуникативной, речеактовой и аргументативной стратегий*.

Наиболее структурированной можно считать классификацию речевых стратегий и тактик, предлагаемую О.С. Иссерс. Под *стратегией*, согласно О.С. Иссерс, понимается совокупность речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. *Речевая тактика* определяется как *речевой акт*, соответствующий тому, или иному этапу в реализации коммуникативной стратегии и направленный на решение коммуникативной задачи этого этапа [Иссерс 2008].

Речевой акт является центральной единицей речеактовых стратегий. В основе речеактовых стратегий лежит теория речевых актов Дж. Серля и Дж. Остина в последствии продолженная такими учеными, как Г.П. Грайс, Дж. Лич, А. Вежбицкая и др., где речевой акт является *центральной единицей коммуникации*. Согласно данному подходу, *речевой акт* – это фактически минимальная целостная единица речи, которая состоит из нескольких одновременных речевых действий.

На основе иллокутивных функций строятся различные классификации речевых актов. Одной их наиболее разработанных классификаций можно считать классификацию М.Ю. Олешкова, которая включает 10 классов: информативы, констатиры, декларативы, регулятивы, контактивы, структивы, директивы, рогативы, экспрессивы и инвективы.

Речевой акт является минимальной единицей речевого воздействия. Под *речевым воздействием* в данной диссертации понимаются такие речевые сообщения, в процессе которых происходит изменение, регуляция социальной, психической деятельности адресата речевого сообщения путём информационного изменения состояния сознания адресата, модификации структуры его убеждений как ответной невербальной реакции адресата на речевой стимул, речевой акт.

Ряд отечественных лингвистов (Н.А. Головин, М.Р. Желтухина, О.С. Иссерс, В.И. Карасик, В.Н. Панкратов, В.Ф. Петренко, Е.Ф. Тарасов) выделяют *способы* речевого воздействия: убеждение, внушение, заражение и побуждение; *типы* речевого воздействия, а также основные *стратегии* реализации речевого воздействия: информационно-аргументирующую, манипулятивно-консолидирующую, экспрессивно-апеллятивную, контрольно-оценочную; *тактики*: передача информации, получение информации, коррекция модели мира, контроль над пониманием, подчинение, установление контакта, блокировка контакта, контроль над инициативой, самопрезентация, дискредитация, оценка поведения и отношения, эмотивная оценка и *тактические ходы*: установление контакта, запрет, уговор, просьба, убеждение, пожелание, угроза, требование, похвала, порицание, насмешка, осуждение, обвинение.

Речевое воздействие является частью речевого поведения языковой личности, которое напрямую связано с развитием социума. Как показывают исследования Е.С. Гриценко и А.В. Кирилиной, использование «мужского» и «женского» стилей речевого поведения не всегда обусловлено принадлежностью коммуниканта к соответствующему полу. Человек, независимо от его биологического пола имеет так называемое субъективное «чувство пола», то есть у него развиваются определённые характеристики личности – *маскулинные* или *феминные*, а также встречается своеобразный баланс тех и других черт, или «*андрогинные*» черты. Этот термин использовала в 1974 г. С. Бэм, когда сформулировала свою гипотезу о существовании трёх типов людей с различной гендерной идентичностью.

В *главе второй* «Речевые стратегии воздействия в гендерном дискурсе» излагаются процедура и результаты эмпирического исследования проявления у мужчин и женщин лидерских качеств в условиях формирования новых социальных задач и установок, которое подтвердило выдвинутую нами гипотезу о крушении бинарной системы гендерных стереотипов и появлении нового – *женщины с андрогинными характеристиками личности*. Исследование психологической составляющей данного феномена показало, что более чем у половины реципиенток проявился андрогинный тип личности.

В ходе эксперимента 266 человек были разделены с помощью методики С.Бэм на три группы согласно их гендерному типу личности, то есть на феминный, андрогинный и маскулинный. Каждой группе испытуемых было предложено написать мини-сочинение на тему «Выберете одну из крупных компаний России и докажите, что вы могли бы войти в руководство этой компании. Если вы так не считаете, докажите обратное».

Анализ полученных текстов показал, что коммуникативная цель у групп с маскулиным и андрогинным типом личности была достигнута при помощи *информационно-аргументирующей, убеждающей, экспрессивно-апеллятивной стратегий, стратегий коррекции модели мира, стратегий дискредитации и самопрезентации*. Группа с феминным типом личности дополнительно использовала стратегию *совет*. Однако тактики и ходы, при помощи которых данные стратегии были реализованы, отличались разнообразием. Группа с андрогинными характеристиками языковой личности использовали следующие тактики, аккумулировав тактики двух других групп:

передача информации, поэтапное мотивирование, обращение к примерам, обобщение, предположение, вывод, очевидность и общеизвестность представленных фактов, негативная экспрессия, персонализация, заявка на коммуникативное лидерство, использование имплицитной информации для приватизации знаний, требование, обоснование, совет, описание позитивной перспективы, оценка, использование риторических вопросов, усиление, апелляция к эмоциям и чувствам, ссылка на традиционные ценности, контактоустонавливающая.

Согласно принимаемой в диссертации трактовки гендерной метафоры, как мощного средства усиления речевого воздействия, анализ последней является эффективным способом более подробного изучения особенностей речевого воздействия женского дискурса.

С этой целью с помощью приёма сплошной выборки из анализируемых нами сочинений группы лиц с андрогинными характеристиками и статей, интервью, выступлений женщин, имеющих характеристики, свидетельствующие об отнесенности данных личностей к новому гендерному стереотипу, было отобрано 255 гендерных языковых метафор (далее – ГЯМ), из них 145 ГЯМ могут применяться в равной степени к мужчине и женщине, 65 ГЯМ номинируют мужчину, 45 ГЯМ могут применяться только по отношению к женщине. Количественные данные о гендерных метафорах, функционирующих в дискурсе языковой личности женщины с андрогинными характеристиками, приведены с целью продемонстрировать существующую на этом уровне гендерную асимметрию в пользу мужчины. Критериями отбора исследуемого материала послужили (согласно методике А.П. Чудинова и В.А. Каменевой): 1) формально-семантический признак, то есть наличие в гендерной метафоре (эксплицитно либо имплицитно) гендерной семантики; 2) лексико-семантический признак [Чудинов 2003, Каменева 2005].

45 гендерных метафор, объективирующих концепт «женственность» и 65 гендерных метафор, объективирующих концепт «мужественность» выделенных по формально-семантическому признаку были сгруппированы в десять семантических групп, или слотов (по А.П. Чудинову): обозначения женщин «пчёлка, плоскодонка», обозначения мужчин «кормилец, денди», отрицательные характеристики женщин «вертихвостка, мегера», отрицательные характеристики мужчин «папик, нарцисс», положительные характеристики женщин «наседка, Марья Искусница», положительные характеристики мужчин «храбр, как лев, настоящий полковник», женский труд (социальные роли) «белошвейка, девочка на побегушках», мужской труд (социальные роли) «старейшина, кузнец своей жизни», внешность женщин «губы-бабочки, царица бала», внешность мужчин «щеголь, красавчик» (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Количественный состав ГЯМ, объективирующих концепт «женственность» в женском дискурсе и выделенных по формально-семантическому признаку

Название семантической группы	К-во ГЯМ в данной семант. группе	% соотношение ГЯМ
Обозначения женщин	15 ГЯМ	33.3 %
Отрицательные характеристики женщин	10 ГЯМ	22.2 %

Положительные характеристики женщин	4 ГЯМ	8.9 %
Женский труд (социальные роли)	5 ГЯМ	11.1 %
Внешность женщин	11 ГЯМ	24.5 %
Итого	45 ГЯМ	100 %

Таблица 2

Количественный состав ГЯМ, объективирующих концепт «мужественность» в женском дискурсе и выделенных по формально-семантическому признаку

<i>Название семантической группы</i>	<i>К-во ГЯМ в данной семант. группе</i>	<i>% соотношение ГЯМ</i>
Обозначения мужчин	20 ГЯМ	31 %
Отрицательные характеристики мужчин	13 ГЯМ	20 %
Положительные характеристики мужчин	10 ГЯМ	15.4 %
Мужской труд (социальные роли)	19 ГЯМ	29 %
Внешность мужчин	3 ГЯМ	4.6%
Итого	65 ГЯМ	100%

Сравнительный анализ слотов показал наличие гендерной асимметрии в пользу мужчин, несмотря на практически одинаковое соотношение отрицательных характеристик, положительные характеристики у мужчин преобладают. Обнаруженные ГЯМ репрезентирующие мужской труд имеют положительную коннотацию и говорят о высоком социальном статусе мужчин, в то время как ГЯМ репрезентирующие женский труд имеют в большей мере отрицательную коннотацию и говорят о более низком социальном статусе женщин, что подтверждает существование до недавнего времени статусно-ролевого деления в обществе.

Следующему этапу анализа подверглись те же 45 гендерных метафор, которые содержат в качестве одного из сопологаемых объектов концепт «женственность» и 65 гендерных метафор, содержащих в качестве одного из сопологаемых объектов концепт «мужественность», а в качестве второго – объекты, которые по лексико-семантическому признаку были условно разделили на двенадцать слотов: животные (птицы, насекомые) «*кобылица, трутень*»; неодушевленные предметы «*ундина, плюшевый мишка*»; одушевленное лицо «*распутница, шут гороховый*»; профессия/род занятий «*сестра милосердия, кормчий*»; мифологический/религиозный персонаж «*фурия, Геракл*»; часть тела «*волосы – чистый шелк, гора мускулов*» (см. табл. 3 и 4).

Таблица 3

Количественный состав ГЯМ, объективирующих концепт «женственность» в женском дискурсе и выделенных по лексико-семантическому признаку

<i>Название семантической группы</i>	<i>К-во ГЯМ в данной семант. группе</i>	<i>% соотношение ГЯМ</i>
Животные/птицы/насекомое	13 ГЯМ	28.9 %
Профессия/род занятий	8 ГЯМ	17.7 %
Неодушевленный предмет/вещь	8 ГЯМ	17.7 %
Мифологический персонаж	3 ГЯМ	6.8 %
Одушевленное лицо	10 ГЯМ	22.2 %
Части тела	3 ГЯМ	6.7 %
Итого	45 ГЯМ	100 %

Таблица 4

Количественный состав ГЯМ, объективирующих концепт «мужественность» в женском дискурсе и выделенных по лексико-семантическому признаку

<i>Название семантической группы</i>	<i>К-во ГЯМ в данной семант. группе</i>	<i>% соотношение ГЯМ</i>
Животные/птицы/насекомое	8 ГЯМ	12.4 %
Профессия/род занятий	21 ГЯМ	32.3 %
Неодушевленный предмет/вещь	10 ГЯМ	15.4 %
Мифологический персонаж	4 ГЯМ	6.1 %
Одушевленное лицо	16 ГЯМ	25.6 %
Части тела	6 ГЯМ	9.2 %
Итого	65 ГЯМ	100 %

Сравнительный анализ количественного состава ГЯМ, объективирующих концепт «женственность» в женском дискурсе и выделенных по лексико-семантическому признаку показал, что наиболее представленной (13 ГЯМ) является группа ГЯМ, в которых образ женщины накладывается на образ различных животных, птиц, насекомых.

Сравнительный анализ количественного состава ГЯМ, объективирующих концепт «мужественность» в женском дискурсе и выделенных по лексико-семантическому признаку показал, что наиболее представленной (21 ГЯМ) является группа ГЯМ, образованных в результате метафорического переноса наименования профессии/рода занятий мужчины на его образ, что свидетельствует, с нашей точки зрения, о важности высокого социального статуса мужчины.

145 ГЯМ, применимых в равной степени к мужчине и женщине в женском дискурсе, были проанализированы по тем же двум критериям: формально-семантическому признаку и лексико-семантическому признаку с целью более полного анализа особенностей речевоздействующей функции женского дискурса.

Сравнительный анализ гендерно-нейтральных языковых метафор в женском дискурсе показал, что равное применение данных метафор к мужчинам и к женщинам может рассматриваться как попытка устранения гендерного дисбаланса в пользу мужчин.

Лингвистический анализ отражения гендерных стереотипов позволил установить и классифицировать метафору как носителя гендерной стереотипизации.

Следующим этапом исследования речевого воздействия в гендерном дискурсе был проведен анализ речевых стратегий и тактик в монологическом и диалогическом дискурсе.

Первым анализировалось интервью Е.Г. Боннэр, женщины, добившейся высокого социального положения и подходящей под описание нового гендерного типа женщины с андрогинными характеристиками, журналу «Сноб».

В результате анализа были выделены следующие *общие семантические стратегии*, формирующие основу речевого воздействия дискурса Е.Г. Боннэр: *информационно-аргументирующую, экспрессивно-апеллятивную и убеждающую*.

Информационно-аргументирующая стратегия была реализована в виде пяти коммуникативно-речевых тактик: *передача информации, обращение к примерам, обобщение, вывод и предположение* с использованием коммуникативных актов-информативов, констативов, экспрессивов, декларативов.

Например: тактика *передача информации* манифестирована в речевых актах-информативах (И) – В доме был совет жильцов (И), какое-то общественное самоуправление.

Тактика *обращение к примерам* и её разновидность *обращение к примерам из личной жизни* манифестированы в речевых актах-констативах (К) и экспрессивах (Э) – Эту ночь я помню очень хорошо (К), очень страшно было, страшнее, чем когда меня первый раз ранило (Э).

Убеждающая стратегия, как существенный компонент речевого воздействия, была реализована Е.Г. Боннэр в виде двух коммуникативно-речевых тактик: *описание негативной ситуации и обоснование*, манифестированных в речевых актах-информативах, констативах и экспрессивах.

Например: тактика *описание негативной ситуации* манифестирована в речевых актах-информативах и экспрессивах – У меня остались только две девочки (И): Валя Болотова и Фиса (Анфиса) Москвина. Фиса живет в ужасных условиях (Э) в Пермской области.

Тактика *обоснование* манифестирована в речевых актах-констативах, информативах и экспрессивах – Потому что это невозможно (Э). Шестидесят пять лет прошло (И)! ... А я знаю, что мои девочки в Пермской области ..., мои санитарки, те, кто еще не умер, ютятся по каким-то углам (К).

Экспрессивно-апеллятивная стратегия была реализована шестью коммуникативно-речевыми тактиками *ирония, оценка, использование риторических вопросов, ссылка на традиционные ценности*, манифестированными в речевых актах-декларативах, рогативах, констативах, экспрессивах и информативах.

Например: тактика *ссылка на традиционные ценности* манифестирована в речевых актах-констативах – Это мне не мешало быть и активной комсомолкой, и работать в штате райкома комсомола старшей пионервожатой (К).

Тактика *использование риторических вопросов* манифестирована в речевых актах-рогативах (Р), а также экспрессивах – А почему мы, вернувшись с войны, думали: мы такие, мы сякие, мы все можем (Э) – и большинство заткнулось (Р)?

На фоне *общих семантических стратегий*, для реализации своей коммуникативной цели Е.Г. Боннэр использовала и *второстепенные стратегии*: риторическую стратегию *дискредитации*, которая была реализована при помощи тактики *негативная экспрессия*, манифестированной в экспрессивно окрашенных речевых актах-

инвективах, и прагматическую стратегию *самопрезентации*, которая была реализована при помощи тактики *персонолизации*, манифестированной в речевых актах-экспрессивах и декларативах.

Вторым анализировался диалог Людмилы Стебенковой (С), депутата Мосгордумы, и Дмитрия Быкова (Б), журналиста, в телепрограмме «К барьеру».

Анализ первого фрагмента диалога позволил выделить следующую последовательность речевых актов коммуникантов: выражение несогласия (констатив); ответное выражение несогласия (констатив); усиление неодобрения (инвектив); вопрос к оппоненту (рогатив); прямой ответ (декларатив); вопрос к оппоненту (рогатив); прямой ответ (декларатив); вопрос к оппоненту (рогатив); прямой ответ (декларатив); объяснение, аргумент в доказательство (констатив).

И С, и Б придерживаются в данном фрагменте семантической воздействующей стратегии *убеждения и дискредитации*, используя активные речевые действия, в то же время, оба реализуют стратегию второго плана *стратегии сотрудничества*. В начале фрагмента инициальные реплики принадлежат Б. Они имеют модус утверждения. С перехватывает инициативу в середине фрагмента. Её реплики имеют модус как вопроса, так и утверждения и она начинает занимать лидирующее положение в диалоге.

Исходя из целей участников диалога, их социальной и индивидуальной характеристики, можно охарактеризовать его следующим образом: кооперативный, авторитарный, динамичный. Речевые действия, тактики и стратегии похожи, но отличаются тем, что С чаще использует стратегию формирования *эмоционального настроя собеседника*, что говорит о более высокой экспрессивности гендерного дискурса.

Анализ второго фрагмента: объяснение, косвенный приказ (директив); выражение отрицания (констатив) и получение информации (информатив); ответ на вопрос (декларатив); прямой вопрос (рогатив); настойчивый советом (директив) и вопрос к оппоненту (рогатив); уточнение (структив); выражение отрицания (констатив).

Как С, так и Б используют семантическую стратегию убеждения, попеременно становясь лидерами диалога. Если сравним этот фрагмент с первым, то наблюдаем противоположную картину, в которой в диалоге лидирует Б. Тем не менее, дискурс можно назвать кооперативным, так как применяются тактики сотрудничающего типа, а речевые акты направлены на решение одной и той же проблемы.

Перед нами два коммуниканта с андрогинным типом личности и в большей мере универсальными чертами речевого поведения. Тем не менее, список стратегий речевого воздействия языковой личности *женщины* с андрогинными характеристиками отличается тем, что её дискурс более эмоционален, поэтому семантическая *экспрессивно-апеллятивная стратегия* с её тактиками: *риторические вопросы, оценка, апелляция к эмоциям и чувствам, ссылка на традиционные ценности, контактоустанавливающая* и стратегия *убеждения* с тактиками: *использование имплицитной информации для приватизации знаний, намёк, требование, обоснование, уточнение, совет* наиболее полно на наш взгляд, отражают особенности её речевого воздействия. Кроме этого, отмечаются элементы манипулирования и иносказательности или намёка, что является тактикой мягкого воздействия.

Затем данный диалог был проанализирован на наличие гендерных особенностей языковых средств речевого воздействия, а именно на наличие особенностей употребления синтаксических конструкций, лексических единиц, а также особенностей мор-

фологии в дискурсе мужской языковой личности и языковой личности женщины с андрогинными характеристиками.

Анализируя гендерные особенности *синтаксических конструкций* в дискурсе обоих собеседников, мы установили количество употребленных ими предложений разного типа. Были получены следующие синтаксические единицы:

1) *простые предложения*: односоставные предложения, слова-предложения, предложения с расширенной синтаксической структурой (содержащие однородные члены предложения, включенные элементы (междометия, обращения)), двусоставные предложения, неполные предложения;

2) *сложные предложения*: сложносочиненные предложения, сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными, определительными, обстоятельственными (времени, цели, причины, условия, места, образа действия.), а также бессоюзные сложные предложения, предложения с вводными словами и сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными частями, а также сложные синтаксические конструкции с разнотипной синтаксической связью.

Кроме этого, учитывались такие параметры, как виды предложений по цели высказывания (вопросы, отрицательные предложения, восклицательные предложения). Результаты анализа представлены в Таблице 5.

Таблица 5

Количественный состав синтаксических единиц в женском и мужском дискурсе

<i>Название синтаксической единицы</i>	<i>К-во синтаксич. единиц в женском дискурсе</i>	<i>К-во синтаксич. единиц в мужском дискурсе</i>
<i>Простые предложения</i>		
Односоставные предложения	12	16
Двусоставные предложения	28	17
Слова-предложения	4	15
Неполные предложения	11	14
Предложения с однородными членами	17	8
Предложения с обращением	13	0
<i>Сложные предложения</i>		
Сложносочиненные предложения	8	7
Сложноподчиненные предложения с придаточными дополнительными	6	17
Сложноподчиненные предложения с придаточными определительными	20	16
Сложноподчиненные предложения с придаточными обстоятельственными: времени.	5	6

места,	4	9
причины,	4	14
образа действия,	1	3
условия,	3	7
цели	4	4
Бессоюзные предложения	3	5
Предложения с вводными словами	16	31
Сложноподчиненные предложения с несколькими придаточными частями	6	7
Сложные синтаксические конструкции	9	11

Из таблицы видно, что по количеству простых предложений более насыщенным является дискурс Л. Стебенковой (85 к 70 Д. Быкова), в то время, как употребление сложных предложений превалирует в дискурсе Д. Быкова (130 к 89 Л. Стебенковой). Вопросами изобилует дискурс Л. Стебенковой, в то время как в дискурсе Д. Быкова их меньше (17 к 10 соответственно). Отрицательные предложения в большем количестве представлены в дискурсе Д. Быкова (38 к 9 Л. Стебенковой). Восклицательные предложения не представлены ни в одном из дискурсов.

Наиболее яркими особенностями дискурса Л. Стебенковой являются: простые предложения с однородными членами «*Так пусть они тянутся, женятся, организуют семьи и рожают детей*», сложносочиненные предложения «*Мы это и хотим сделать, а вы нам при этом мешаете*», вопросы «*Вы журналы покупаете?*». Также выделяются сложноподчиненные предложения с придаточными определительными «*Не определено понятие порнографии, которую определяет этот закон*», времени «*Что вы думаете началось после того, как прошли соответствующие слушания в московской городской думе*», а также сложные синтаксические конструкции «*Куча газет написала о том, что мы хотим все ограничить, что каким образом это можно написать, и как этому быть, и какую фразу нужно сочинить для того, чтобы понять, что именно это то, а не это*», обращения «*Дмитрий, вы вообще по городу ходите?*» и вводные слова «*Ну, во-первых, я как и миллионы людей так не считаю, иначе по этому поводу не было бы возмущения, просьб принять меры*».

Дискурс Д. Быкова отличается употреблением слов-предложений «Да», неполных предложений «*Каждый день*», сложноподчиненных предложений с придаточными дополнительными «*Я считаю, что эта программа является явным и очевидным растлением зрителя*», обстоятельственными (придаточными причины «*Я вызываю к барьеру, разумеется, чисто виртуально, потому что с женщиной драться не возможно, Людмилу Стебенкову, депутата Мосгордумы, большого борца за общественную нравственность*», места «*Здоровая семья возможна там, где нет искусственной системы запрета, где нет болезненно формируемого интереса к противоположному полу*» и условия «*Если вы видите в телевизоре что-то не соответствующее вашему вкусу, то эта законодательная база побуждает почу простому запретительному действию*»), а также употреблением вводных слов «*Но должен сказать, что "Симпсоны" – очень остроумная картина, которая в замечательной, резкой, вульгарной, безусловно, форме, высмеивает телевизионные штампы*». сложных син-

таксических конструкций *«Наши дети имеют право не ругаться матом, я с этим совершенно согласен, более того я считаю, что это их обязанность»* и бессоюзных предложений *«Наши дети имеют право не ругаться матом, я с этим совершенно согласен»*.

Наряду с гендерным отличием, наблюдаются общие черты двух данных дискурсов, а именно: употребление двусоставных предложений превалирует над употреблением односоставных; количество сложносочиненных предложений, сложноподчиненных предложений с придаточными цели и сложноподчиненных предложений с несколькими придаточными частями практически идентично.

В результате анализа *морфологических особенностей* дискурса Л. Стебенковой и Д. Быкова, удалось установить, что количество глаголов, прилагательных и местоимений оказалось примерно одинаковым; в тексте встретились как качественные, так и относительные прилагательные.

В дискурсе Д. Быкова:

- качественные прилагательные – *большой, страшное, грубые*;
- относительные прилагательные – *общественная, русский, российская*.

В дискурсе Л. Стебенковой:

- качественные прилагательные – *нужный, замечательный, здоровая*;
- относительные прилагательные – *судебный, законодательная, журналистское*.

В обоих дискурсах употреблены глаголы как совершенного, так и несовершенного вида, причем активный залог превалирует над пассивным.

В дискурсе Д. Быкова:

- глаголы несовершенного вида – *говорят, поддерживают, растлевают*;
- глаголы совершенного вида – *сделали, запретили, солгал*.

В дискурсе Л. Стебенковой:

- глаголы несовершенного вида – *лется, существует, проходит*;
- глаголы совершенного вида – *совершили, привела, привязались*.

Разница в двух дискурсах, это, прежде всего, разница в употреблении частиц.

В дискурсе Д. Быкова были замечены *модальные частицы* с их разновидностями: утвердительные: *да. Да, я знал, что обязательно будет вопрос о детях*; отрицательные: *не. Потому что я, сколько не читаю газет и не смотрю телевизора, не могу найти*; вопросительные: *ли. Дело, видите ли, в том, что у нас с вами эта законодательная база есть, это наш личный вкус*.

В дискурсе Л. Стебенковой были отмечены частицы, выражающие эмоционально-экспрессивные оттенки значения: *же. Ну что же вы все передергиваете. а?* Частицы, выражающие смысловые оттенки значений: определительно-уточняющие: *то. Почему он у нас оказывается в 1.00, когда дети, приходят со школ и смотрят то, как не надо себя вести?* Модальные частицы: утвердительные: *да. В настоящий момент, к сожалению, да, потому что у нас другого не получается сегодня*; отрицательные: *нет. Нет, которая называется, как вы думаете как?*

Еще одна гендерная особенность – это использование Л. Стебенковой *конкретных существительных*, а Д. Быковым – *абстрактных*. Относительное количество существительных, приходящихся на одно высказывание, в обоих дискурсах примерно одинаковое.

Следующей характерной чертой дискурса Л. Стебенковой явилось использование слов, образованных по специфическим разговорным моделям «смыслового стяжения» (сокращения): *конкретика, порно*.

Кроме уже описанных особенностей дискурса Л. Стебенковой, отмечено употребление слов с суффиксами ярко выраженной экспрессивности, эмоциональности, стилистической сниженности: *нецензурица (-щин-), большущий (-ущ-)*.

Анализ эмоционально-экспрессивных единиц языка, в частности, производных существительных с суффиксами уменьшительности, ласкательности, уменьшительно-ласкательности (так называемых диминутивов), позволил выявить отсутствие данного феномена в обоих дискурсах.

Данный анализ показал, что в морфологии гендерные стереотипы не нашли яркого отражения, допустив лишь незначительные отличия женского дискурса, так как, по нашему мнению, для полноценной коммуникации и Д. Быков, и Л. Стебенкова использовали все части речи, ориентируясь не на свое психологическое восприятие данного слова, а на функцию, которую оно выполняло в данном диалоге.

Далее были проанализированы *лексические особенности* двух дискурсов.

Первое, на что можно обратить внимание, – высокая нормативность и литературность языка обоих собеседников. Уровень образования и социальный статус наложили отпечаток на то, как они говорят. Оба дискурса не перенасыщены *неологизмами и терминами*: они употреблены только в тех случаях, когда без них невозможно описать какое-либо явление: *ВИЧ, СПИД, мат*.

Как в дискурсе Д. Быкова, так и в дискурсе Л. Стебенковой нами замечено отсутствие грубых и бранных выражений.

Дискурс Л. Стебенковой изобилует вежливыми формами обращения: *Скажите, пожалуйста, Дмитрий, у вас дети есть?* Он больше тяготеет к правильности, нежели дискурс Д. Быкова.

Дискурс Л. Стебенковой немного более эмоционален, следствием чего является использование аффектированной лексики: *совершенно нужный*.

В ходе исследования была подтверждена гипотеза о том, что речевые стратегии женского дискурса определяются целым набором социолингвистических факторов, среди которых гендер играет одну из важных ролей, поэтому языковая личность женщины-лидера с андрогинными характеристиками сохраняет так называемые «женские», которые добавляют её дискурсу большую убедительность и эффективность, учитывать которые необходимо, особенно в профессиональном и деловом общении.

В *Заключении* излагаются суммарные итоги проведённого исследования и намечаются перспективы дальнейших научных изысканий в области исследования речевого воздействия в гендерном дискурсе.

Приложения содержат текст «Теста лидерских качеств», «Вопросник С.Бэм по изучению маскулинности-феминности» и текст интервью Е.Г. Боннэр «Воевали не за Родину и не за Сталина, просто выхода не было».

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях автора.

А. Научные статьи, опубликованные в ведущих российских периодических изданиях, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

1. Филатова, О.Л. Антиномия биологического и социального пола в новом гендерном типе женщины-лидера [Текст] / Вестн. ун-та. – М.: Изд-во ГОУ ВПО Гос. ун-т упр., 2010. – №17. – С. 122–124. – 0,35 п.л.

2. Филатова, О.Л. Речевые тактики убеждения в гендерном дискурсе [Текст] / Вестн. Помор. Ун-та. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – Архангельск: ГОУ ВПО Помор. Гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2010. – №12. – С. 305–308. – 0,25 п.л.

Б. Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов и периодических изданиях.

3. Боровкова, О.Л. «Женщина-лидер» – новый гендерный тип в современной социокультуре [Текст] / Инновационная экономика и управление: сб. науч. тр. каф. / под ред. А.А. Сотникова. – Обнинск: ГУУ, 2007. – С. 234–244. – 0,6 п.л.

4. Боровкова, О.Л. Женский аргументативный дискурс в профессиональной коммуникации [Текст] / Актуальные проблемы образования в высшей школе: сб. м-лов рег. науч.-практич. конф. – Балабаново, 2008. – С. 212–217. – 0,3 п.л.

5. Боровкова, О.Л. Обучение пониманию иноязычного текста при чтении как поисковой деятельности [Текст] / Проблемы повышения эффективности обучения коммуникации и иностранному языку в вузе: теория и практика : м-лы Первой регион. науч.-практич. конф. Калуж. обл. ассоц-ии препод. ин. яз. / отв. ред. Л.Г. Васильев. – Калуга: КОАПИЯ, 2008. – С. 20–21. – 0,15 п.л.

6. Боровкова, О.Л. Гендерные исследования женского аргументативного дискурса в современной публицистике [Текст] / Дискус. вопр. современ. линг-ки: сб-к науч. тр. / под ред. Л.Г. Васильева. – Калуга: Калуж. гос.пед.ун-т им. К.Э. Циолковского, 2008. – Вып.4 – С. 78–84. – 0,3 п.л.

7. Боровкова, О.Л. Гендерные альтернативы в управлении новой экономикой [Текст] / Актуальные проблемы управления – модернизация и инновации в экономике: м-лы 14-ой Междунар. науч.-практич. конф. – М.: ГУУ, 2009. – Вып.1 – С. 32–37. – 0,25 п.л.

8. Боровкова, О.Л. Гендер как составляющая дискурсивных репрезентаций «женской языковой личности» [Электронный ресурс]. – 2008. – <http://koapiya.do.am>.

9. Боровкова, О.Л. Гендерные исследования в современной лингвистике [Текст] / Молодёжь и наука: реальность и будущее: м-лы II Междунар. науч.-практич. конф. / Редкол.: В.А. Кузьмищев, О.А. Мазур, Т.Н. Рябченко, А.А. Шатохин, IV том, Филологические науки. – Невинномысск: НИЭУП, 2009. – С. 59–61. – 0,2 п.л.

10. Боровкова, О.Л. Перспективы женской политики в России в условиях экономического кризиса [Текст] / Науч. тр. Калуж. гос. пед. у-та им. К.Э. Циолковского. Сер. Гуманитарные науки. – Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2009. – С. 254–257. – 0,25 п.л.

11. Боровкова, О.Л. Аргументация в гендерных исследованиях: женский аргументативный дискурс в учебной ситуации [Текст] // Менеджмент в образовании: опыт, перспективы, проблемы: м-лы V всерос. науч.-практич. заоч. интернет-конф. / под ред. А.В. Золотарёвой. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2009. – С. 17–20. – 0,2 п.л.

12. Боровкова, О.Л. К вопросу о гендерном аспекте женского аргументативного дискурса [Текст] / Дискус. вопросы соврем. лингвист.: сб-к науч. тр. / Ред. Л.Г.Васильев. – Калуга: Калуж. гос. пед. ун-т, 2009. – Вып.5. – С.92–97. – 0,35 п.л.

13. Филатова, О.Л. Изобразительно-выразительные средства как один из приёмов гендерного убеждающего дискурса [Текст] / Дискус. вопросы соврем. лингвист.: сб-к науч. тр. / Ред. Л.Г.Васильев. – Калуга: Калуж. гос. пед. ун-т, 2011. – Вып.7. – С. 70–74. – 0,3 п.л.

14. Филатова, О.Л. Гендерный дискурс и его речевоздействующая функция [Текст] / Межкультурная коммуникация и лингвокультурология: инновационные

пректы в профессионально-ориентированном обучении иностранным языкам в условиях глобализации: м-лы Междунар. науч.-практич. конф. – М.: ГУУ, 2011. – С. 180–183. – 0,25 п.л.

15. Боровкова (Филатова), О.Л. Женщина-лидер: миф или реальность [Текст] // Актуальные проблемы управления – модернизация и инновации в экономике: м-лы 15-ой Междунар. науч.-практич. конф. – М.: ГУУ, 2010. – Вып.1 – С. 44–48. – 0,25 п.л.

16. Филатова, О.Л. Новый подход к лидерству в условиях экономического кризиса: речевые стратегии убеждения как один из аспектов имиджа женщины-лидера [Текст] / М-лы VII междун. молодёж. науч.-практич. конф. « Политика и Бизнес в меняющемся мире». – Обнинск: Артифекс, 2010. – С. 127–131. – 0,25 п.л.

17. Боровкова (Филатова), О.Л. Роль женщины-лидера в инновационной экономике [Текст] / Территории инновационного развития: монография / под ред. А.А. Сотникова. – М.:ГУУ,2010. – С. 268–288. – 1,5 п.л.

18. Боровкова (Филатова), О.Л. Гендерный дискурс и речевой жанр убеждения [Текст] / Дискус. вопр. современ. линг-ки: сб-к науч. тр. / под ред. Л.Г. Васильева. – Калуга: Калуж. гос.пед.ун-т, 2010. – Вып.6. – С. 63–67. – 0,25 п.л.

19. Боровкова (Филатова), О.Л. Антиномия гендерного типа женщины-лидера: соотношение гендера как социального и биологического пола [Текст] / Оптимизация преподавания лингвистики и иностранного языка в вузе: теория и практика: м-лы Третьей регион. науч.-практич. конф. – Калуга: КОАП ИЯ, 2010 г. – С.5 – 6. – 0,15 п.л.

20. Филатова, О.Л. Методы убеждения в гендерном дискурсе (на примере диалогической речевой ситуации) [Текст] / Науч. тр. Калуж. гос. пед. у-та им. К.Э. Циолковского. Сер. Гуманитарные науки. – Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2010. – С. 217–221. – 0,25 п.л.

21. Филатова О.Л. Гендерные особенности управления [Текст] / Актуальные проблемы управления: м-лы 16-ой Междунар. науч.-практич. конф. – М.: ГУУ, 2011. – Вып. 3 – С.284–288. – 0,25 п.л.

102

Филатова О.Л.

**Особенности речевоздействующей функции гендерного дискурса:
автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Орел, 2012. – 20 с.**

Подписано в печать 09.02. 2012. Формат 60х80 1/16

Печатается на ризографе. Бумага офсетная

Гарнитура Times. Объем 1,19 п.л. Тираж 100 экз.

Заказ № 52

**Отпечатано с готового оригинал макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела**

ФГБОУ ВПО «ОГУ»

302026 г. Орел, ул. Комсомольская, 95

Тел. (486 2) 74-09-30